

Вместо двери в каменной хижине висел тяжелый брезент. Снаружи толпились любопытные зеваки, но шесть рослых зверолодей Вань Биня надежной стеной преграждали им путь. Лу И первым шагнул вперед, приподнял полог и, заглянув внутрь, жестом пригласил Тан Буфаня войти.

Тан Буфань послушно скользнул внутрь. Лу И задержался у входа и обратился к торговцу:

— Господин Вань, будьте добры, подождите снаружи.

Вань Бин, будучи человеком сообразительным, сразу понял намек. Он не стал напрашиваться внутрь и с готовностью кивнул, после чего скомандовал своим зверолодам отогнать любопытную толпу подальше.

Площадка перед хижинкой мгновенно опустела.

Только после этого Лу И вошел в хижину, задернув за собой плотный полог.

Каменная постройка оказалась довольно просторной, хоть и забитой всяким хламом. В углу уютно потрескивал очаг, на котором исходила паром глубокая плошка с булькающим темным варевом. Именно от него по всей комнате расходился густой, горький аромат лечебных трав.

На низком табурете сидел сухощавый старик с длинной трубкой в руках. Неторопливо попыхивая табаком, он изучающе разглядывал вошедшего первым Тан Буфаня. Когда за ним показался Лу И, хозяин лавки отложил трубку и широко улыбнулся, обнажив потемневшие от времени зубы.

— Ого, какие гости, — прокрипел старик, даже не подумав подняться. Он с любопытством сощурился. — Какими судьбами молодой господин из Западной Федерации забрел в мою скромную лавку?

— Здравствуйте, старейшина Ван, — вежливо отозвался Лу И. Он шагнул навстречу пожилому полувзверолюду и уважительно протянул руку.

Старейшина Ван явно остался доволен такой учтивостью. Не вставая с места, он крепко пожал протянутую ладонь.

Тан Буфань до этого безучастно стоял в сторонке. Увидев их приветствие, он мысленно выругал себя за недогадливость: надо же, оказался менее вежливым, чем ребенок! Он поспешно шагнул вперед, чтобы поприветствовать хозяина.

— Здравствуйте, уважаемый старейшина, — проговорил Тан Буфань, пытаясь улыбнуться под скрывающей лицо черной тканью.

Но стоило их ладоням соприкоснуться, как старик крепко перехватил его запястье и бесцеремонно повернул руку ладонью вверх.

Тан Буфань вздрогнул. Его руки до самых запястий были плотно обмотаны темной тканью. Первым порывом было отпрянуть, но, вспомнив, что перед ним лишь немощный старик, он сдержался и лишь бросил предостерегающий взгляд на напрягшегося Лу И.

Лу И помедлил мгновение, но послушно отступил на полшага, хотя взгляда с лекаря не свел.

Старейшина Ван принялся неторопливо разматывать черную ткань. Под ней открылась бледная, мертвенно-белая ладонь с отчетливо проступающей сеткой потемневших, синеватых вен.

— Судя по твоей руке, ты скитаешься на поверхности никак не меньше трех-четырех лет? — спросил старик, ведя шершавым пальцем по его ладони.

Тан Буфань переглянулся с Лу И. Стало ясно: этот старик действительно мастер своего дела.

— Да, все верно, — не стал закипать Тан Буфань.

Заметив в углу еще один потрепанный табурет, Лу И принес его и бережно усадил Тан Буфаня.

Тан Буфань рассудил, что вести разговор свысока невежливо, и послушно присел.

Тем временем старейшина Ван переместил пальцы на запястье гостя. Он надолго замолчал, сосредоточенно прощупывая пульс, и его седые брови медленно сошлись на переносице.

Тан Буфань прекрасно знал, в каком плачевном состоянии его здоровье, а потому молчал, не желая мешать. Он принялся рассеянно разглядывать хижину и вдруг замер от удивления. В углу, на застеленной койке, лежал старый карманный приемник с кассетой внутри.

На его потертом корпусе едва читались три полустертых иероглифа: «Бубугао».

— Знаком этот прибор?

Тан Буфань опомнился и поднял глаза. Лекарь уже смотрел на него — пристально, с живым интересом.

— Это радиоприемник, — честно признался Тан Буфань.

— А надпись на нем прочесть сможешь?

— «Бубугао».

— Значит, знаешь иероглифы, — довольно усмехнулся старейшина Ван. — Ты ведь из Подземного города Восточного округа?

В нынешнем мире господствовал всеобщий язык, развившийся когда-то из английского. Китайский выжил лишь благодаря обилию выходцев из Азии в Восточном округе, но давно превратился в локальный диалект. Похожая участь постигла и русский язык в Северном округе — его помнили разве что редкие потомки переселенцев с русскими корнями.

Что же касается Западного округа, там дела обстояли еще плачевнее: редкие европейские наречия — французское, немецкое, итальянское — исчезли без следа, оставшись мертвым грузом в цифровых архивах.

И хотя в Восточном округе все еще звучала китайская речь, людей, способных читать и писать иероглифами, почти не осталось. Письменность превратилась в сугубо научную дисциплину, которую изучали разве что на специализированных университетских кафедрах.

— Я учитель словесности, — мягко пояснил Тан Буфань. — Окончил филологический факультет.

— Так ты из Фракции сопротивления? — неожиданно спросил старейшина Ван.

Тан Буфань и Лу И на мгновение опешили. Причем удивил их не столько сам вопрос, сколько то, что старик внезапно перешел на чистейший китайский.

Тан Буфань с самого момента своего перемещения не слышал родной речи. В груди мгновенно разлилась теплая, щемящая тоска по дому.

— Да, — ответил он по-китайски.

— Значит, вы тоже из Восточного округа? — с живым интересом спросил он.

— Оттуда, — старик ухмыльнулся, снова показав неровные желтые зубы. — Только я не из Течения Сопротивления. Меня собственный отец сюда «продал».

— Пять мешков риса, ящик фруктов и десять тысяч наличными, — добавил он, горько усмехнувшись. — Вот в какую цену правительство Подземного города оценило мою жизнь.

Тан Буфань лишился дара речи. Он и подумать не мог, какими грязными методами промышляют под землей.

«Скупать собственных граждан, чтобы потом отдавать их зверолюдям в обмен на ресурсы... Да это же самое настоящее государственное работоторговчество!»

На душе сделалось тяжело и скверно. Пытаясь хоть как-то подбодрить собеседника, он вымученно улыбнулся:

— Надо же, какое совпадение. За мою голову в ориентировках назначена точно такая же сумма — десять тысяч.

— Зря продешевил, — беззлобно хохотнул старик. — Сдался бы властям сам — глядишь, выгадал бы еще пять мешков риса и ящик фруктов.

Он наконец отпустил его руку и потянулся к завязкам на лице:

— Ну-ка, покажи лицо.

— Старейшина, зрелище не из приятных... — предупредил Тан Буфань. Ему было неловко показывать свое истощенное, болезненное лицо.

— Полно тебе. Я лекарь, за свою жизнь и не такое повидал, — отмахнулся старик.

Черная повязка соскользнула, открыв исхудалое лицо с мертвенно-бледной, синеватой кожей.

— Нормальное лицо, не придумывай, — старик осторожно повернул его подбородок сухой, покрытой глубокими морщинами рукой. — Исхудал только сильно. Выглядишь получше тех бедолаг, что сидят на стимуляторах — те совсем черные да шелушащиеся, а у тебя кожа просто прозрачная, аж синевой отливает.

— И как по-вашему... жить буду? — с надеждой спросил Тан Буфань.

— Воздух на поверхности ядовит для человека, — вздохнул старик. — Но если спрашиваешь, можно ли тебя спасти... Что ж, можно. И спасение твое стоит прямо за твоей спиной.

Он указал пальцем куда-то за плечо Тан Буфаня.

Тан Буфань обернулся. Лу И, не понимавший ни слова из их разговора на древнем наречии, растерянно переводил взгляд с одного на другого.

— Пусть он тебя укусит, и все проблемы как рукой снимет, — невозмутимо закончил старейшина Ван.

Тан Буфань густо покраснел. Он поспешно отвернулся и смущенно пробормотал:

— Если бы я хотел превратиться в полужверолоюда... я бы не довел себя до такого состояния.

— Тогда ничем помочь не могу, — прямо, без лишней жалости отрезал старик. — Человеческий организм не способен выводить токсины с поверхности. Любые лекарства лишь отсрочат неизбежное.

— Этого мне и нужно. Просто потяните время, — попросил Тан Буфань. Собеседник располагал к себе, а в условиях постапокалиптического хаоса лишние тайны только мешали. Решив довериться старику, он признался: — Мне нужно добраться до Подземного города Восточного округа. Хочу вернуться вниз.

— Ишь чего удумал, — удивился старик. Затем в его глазах блеснула догадка. Он понизил голос до шепота и спросил на чистом китайском: — Неужто у Фракции сопротивления наконец появились успехи?

Тан Буфань слегка подался вперед и заговорщически прошептал в ответ:

— Кое-какие сдвиги есть. Нашим людям удалось внедриться в правительственные структуры.

«Раз уж Доктор сумел без труда состряпать мне новые документы для Подземного города, — рассудил он, — значит, у них точно есть свои люди в самом правительстве».

— Неужели Семья Юй наконец-то лишится власти? — сдерживая волнение, спросил старик.

«Семья Юй?»

Тан Буфань понятия не имел, о ком идет речь, но, чтобы не вызывать лишних подозрений, уверенно кивнул:

— Да, их падение — лишь вопрос времени.

— И поделом им! — старик радостно хлопнул себя по колену. — Партию согласия превратили в черт знает что. С тех пор как разогнали Комитет культуры и образования, прошло двадцать лет, а в округе так ничего путного и не создали. Я уж думал, у Восточного округа вообще нет будущего.

Казалось, несмотря на предательство отца, когда-то продавшего его на поверхность, лекарь все еще глубоко переживал за судьбу покинутой родины.

— Пусть лучше Фракция сопротивления берет власть в свои руки. Слишком долго человечество безропотно пряталось в норах, — вздохнул старейшина Ван и тяжело поднялся со своего табурета.

Тан Буфань поспешил подняться. Сгорбившись, лекарь направился к длинному деревянному шкафу с множеством мелких ящичков, стоявшему у стены.

— Настоящего антидота у меня, конечно, нет, — заговорил старик, выдвигая один из ящичков.
— Но лекарственных трав, выводящих токсины, предостаточно. Будешь исправно заваривать и пить отвары — на ноги встанешь не хуже, чем от покупных микстур.

Он достал пачку плотной оберточной бумаги, моток бечевки и принялся щедрой рукой отсыпать корни и сушеные листья.

— Руки и ноги у тебя ледяные, кровь совсем слабая, — продолжил старейшина Ван, переходя обратно на всеобщий язык, чтобы подросток тоже его понимал. — Холодные по своей природе травы тебе противопоказаны. Вот, возьми дудник — он согревает и разгоняет застоявшуюся кровь. Солодка сбалансирует сбор и поможет нейтрализовать яд...

— Позвольте, я помогу, — вежливо вызвался Лу И. Он ловко перехватил бумажные кульки и принялся аккуратно обвязывать их бечевкой.

Старик благожелательно посмотрел на него и улыбнулся, явно довольный заботливостью юноши. Повернувшись к Тан Буфаню, он негромко проговорил по-китайски:

— Хороший малый. Может, все-таки приглядишься к нему?

Тан Буфань растерялся и воровато покосился на Лу И. Убедившись, что тот увлечен упаковкой и не обращает на них внимания, он вздохнул:

— Мне обязательно нужно вернуться под землю. Да и к тому же... он еще совсем ребенок.

— На баррикады тянет, значит?

Тан Буфаню хотелось возразить, что никакой он не революционер, но объяснять истинные причины было слишком долго. Он лишь неопределенно промолчал, отведя взгляд.

— Эх, старый я стал. Не доживу до того дня, когда люди снова поднимутся к солнцу, — со вздохом промолвил лекарь, насыпая очередную горсть сушеных корней.

Глядя на этого одинокого старика, Тан Буфань не удержался от вопроса:

— А где ваша семья?

— Моя старуха погибла во время звериного прилива, когда мне было сорок шесть, — тихо ответил старик. — Всего у нас было пятеро детей. Младшая вышла замуж лет десять назад и обосновалась тут неподалеку. Она всегда была той, за кого я больше всего переживал, вот я и перебрался поближе, чтобы присматривать за ней.

Он грустно улыбнулся:

— Жизнь моя прошла сносно, жаловаться не на что. Если подумать, тяжелее всего мне жилось именно в Подземном городе. Но на старости лет все равно тянет на родину. Хотя бы просто взглянуть...

Тан Буфань промолчал. Он знал, что обратного пути для изгнанников нет. Оказавшись на поверхности, обычный человек был обречен закончить свои дни здесь.

На сердце заскребли кошки, но мысль о том, что старик живет рядом с сыном, немного успокаивала.

— Астрагал, — старик вернулся к лекарствам. — Тоже согревающий корень. Укрепляет жизненные силы, очищает раны.

— Обработанная реманья. Принимай вместе с дудником и астрагалом.

— Женьшень, имбирь, ягоды годжи. Все это заваривай как чай или добавляй в похлебку.

Кульки громоздились один на другой. Тан Буфань достал из рюкзака небольшую коробочку со слитками золота и с сомнением протянул лекарю:

— Посмотрите, пожалуйста... этого хватит?

Старейшина Ван приоткрыл крышку, мельком взглянул на желтый металл и равнодушно кивнул:

— Вполне. Оставь на столе.

— Старейшина Ван, а на этом рынке принимают электронные кредиты? — вмешался в разговор Лу И. — Если да, я бы мог обменять их на припасы.

Было очевидно, что самому старику цифровые деньги без надобности. Тот лишь отмахнулся:

— Спроси у Вань Биня. — Старейшина Ван с кряхтением достал из-под прилавка увесистый холщовый мешок с сушеными корнями вайды.

— Полно, старейшина, этого более чем достаточно, — замахал руками Тан Буфань. В эти суровые времена лекарства ценились на вес золота, и он прекрасно понимал, что принесенной ими платы едва ли хватило бы даже на половину этих запасов.

Старик явно расщедрился и отдавал им товар почти даром.

— Бери, бери, не спорь, — добродушно проворчал лекарь. Силами бог его не обделил, а торговлей он занимался скорее от скуки, чем ради наживы.

Тан Буфань помедлил, но желание выжить взяло верх над неловкостью. Еще раз поблагодарив хозяина лавки, он аккуратно сложил свертки в рюкзак.

Тепло попрощавшись со старейшиной Ваном, они вышли из хижины. Сообразительный Вань Бин тут же кивнул своим парням, и те подхватили тяжелые свертки. Тан Буфань посмотрел на небо: край горизонта уже окрасился багровыми закатными облаками. Надо же, они пробыли в лавке больше двух часов.

Рынок гудел, в сумерках зашевелились карманники, а уличного освещения здесь отродясь не бывало. Лу И повернулся к спутнику:

— Пора возвращаться. Закончим дела завтра.

Путь до оставленного на окраине жилого фургона занимал добрых полчаса. Тан Буфань согласно кивнул, они предупредили проводника, и отряд двинулся в обратный путь.

— Что-нибудь еще требуется, господин офицер? — вкрадчиво поинтересовался Вань Бин у Лу И.

— Нужна горючка и теплые вещи на зиму, — ответил Лу И и, немного помолчав, спросил: — Так что насчет электронных денег? Найдется тут хоть кто-то, кто сможет их обменять?

— Связи нет, так чтодохлый номер, — Вань Бин подышал на озябшие пальцы. Но тут же заговорщически подмигнул: — Слушайте, мое родное гнездо — как раз у города Тай. Старший брат там за главного, держит посёлок Бэйшань. Если вы с господином Эберроном держите путь в Тай, мимо точно не проедете. Давайте сделаем так: бензин я вам сейчас организую, и денег за него не возьму. А как доберетесь до Бэйшаня, разыщите моего брата. Его старший как раз служит в городском гарнизоне Тая. Там с ними и сочтетесь. Идет?

Топливо в этом мире ценилось не меньше патронов. Из ценностей у Лу И оставалась лишь золотая цепочка на шее, которой вряд ли хватило бы на канистру бензина. Взвесив все за и

против, он кивнул.

— Хорошо. Договорились. Спасибо за помощь.

— Да бросьте, пустяки! Для нашего рода принять таких гостей — великая честь, — расплылся в улыбке торговец.

Разумеется, наличные его волновали меньше всего. Ему позарез нужно было свести влиятельного беглеца со своим старшим братом. Семья Вань спала и видела, как бы перебраться под защиту стен города Тай, и упускать такой щедрый подарок судьбы торговец не собирался.

Лу И прекрасно видел насквозь этого простодушного с виду дельца, но лишь вежливо улыбнулся в ответ и, бережно придерживая Тан Буфаня, увлек его за собой к выходу из лабиринта рыночных палаток.

<http://bllate.org/book/19039/2003674>